



*ИВАН
МАРАНОВ*

Анатолий Рубин

Анатолий Рубин

Иван Таранов

«Издательские решения»

2015

Рубин А.

Иван Таранов / А. Рубин — «Издательские решения», 2015

Иван Таранов — одна из самых ярких личностей начала XX столетия, бесстрашный авиатор, предприимчивый пивовар и романтический сердцеед. Его образ полюбился и стал использоваться в анимационных сюжетах, юмористических рекламных роликах и анекдотах. Но кем он мог быть в реальной жизни? Чудаком-помещиком, фабрикантом-пивоваром или поэтом-авиатором? В этой книге хотелось рассказать историю жизни этого человека, о его увлечениях и любовных приключениях, основанных на легендах о нем.

© Рубин А., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

От автора	6
1. Родовое гнездо	7
2. Тарановка	12
3. Благородное семейство	16
4. Пивное дело	20
5. Дела житейские	27
6. Новые транспортные средства	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Иван Таранов
Анатолий Рубин

© Анатолий Рубин, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

От автора

Иван Таранов – одна из самых ярких и неординарных личностей, о которой узнали россияне в начале нынешнего столетия. Его образ стал использоваться в рекламе пива в виде анимационных сюжетов, юмористических рекламных роликов. Их главный герой — бесстрашный и лихой авиатор и пивовар всем сразу понравился, а отдельные фразы из них разошлись на пословицы, афоризмы, появились анекдоты про Таранова.

Но кто он — человек или легенда? Чудак-помещик или фабрикант-пивовар или поэт-авиатор? А может быть, и то и другое и третье? О разнообразных интересах этого талантливого человека-легенды можно узнать из многочисленных публикаций о нем, появившихся в прессе. Был создан образ человека с разносторонними интересами и талантами, с неудержимым духом искательства и неутомимой энергией, сердцеда, романтика технического прогресса, со стремлением к новому, и обладающего бесконечным оптимизмом и жизнелюбием, тонким умным юмором и безграничной преданностью любому делу. Он олицетворял собой русскую романтику, предприимчивость, благородство и широту души.

До сих пор многие считают, что Иван Таранов — это вымышленный персонаж. Другие утверждают, что на самом деле наш герой — реальная историческая личность, и что он жил в конце XIX — начале XX века и в Оренбургской области им была построена крупная пивоварня.

Однако был или нет такой исторический персонаж, не так важно. Главное другое. Иван Таранов встал в один ряд с такими литературными героями как Дон Кихот, барон Мюнхаузен, Штирлиц.

В этой книге хотелось рассказать некоторые истории из жизни этого человека, его увлечениях и любовных приключениях, основанных на легендах об этой неординарной личности.

1. Родовое гнездо

Майским утром 1902 года московский поезд Ташкентской железной дороги подходил к Оренбургу. Внешний вид города для едущих из внутренней России ничего не представлял интересного. Приближаясь к вокзалу, можно было заметить с левой стороны железнодорожного пути одну или две церкви, татарскую мечеть, вдвали на возвышении — колокольню женского монастыря. Обывательские постройки городских окраин — убогие хижины. Своим видом напоминали скорее деревню, чем город.

На железнодорожном вокзале с поезда сошел мужчина, которому на вид было лет двадцать шесть — тридцать. Звали молодого человека Иван Михайлович Таранов. Он был выше среднего роста, темноволосый, у него был открытый лоб. Дерзкие светло-карие глаза с какой-то усмешкой смотрели из-под густых бровей. Приезжий был одет в студенческую крутку с золотыми пуговицами, на которых красовались орлы. Он не был красавцем, но внешностью своею, вероятно был вполне доволен.

Его встречал на бричке кучер — мужичонка неопределенного возраста с небольшой бородкой, по имени Матвей.

– С приездом, барин!

Багаж молодого человека было не велик — всего два небольших чемодана.

Заботливо укладывая багаж в бричку, кучер с интересом поглядывал на приехавшего из столицы, размышляя про себя, что за птица племянник умершего барина, надолго ли сюда приехал. А вслух сказал:

– А мы, как получили телеграмму наемни, так сразу и стали собираться. Ждали-то вас раньше.

– Дела были. Потому сразу, как умер дядюшка, и не смог приехать.

– Ясно.

– За сколько доедем до Тарановки?

– К полудню точно будем на месте.

– Это сколько по времени?

– Часа три — четыре. – Матвей явно не мерил сутки в часах.

– Тогда поехали! — и легко запрыгнул в коляску.

Коляска покатила по городу, прыгая по булыжной мостовой. Таранов с любопытством смотрел по сторонам. Перед его взором открывался Оренбург с главным его украшением кафедральным собором и другими городскими зданиями и церквями.

– Вы ведь, барин, у нас никогда и не были?

– Нет, не приходилось.

– Вот тут у нас Соборная площадь, значит. А там железнодорожный мост чрез реку Урал.

После того, как они проехали по трясимым городским улицам, из-за уложенной на проезжей части булыжной мостовой, после полосатого шлагбаума, тряска, наконец, закончилась, и бричка понеслась по мягкой проселочной дороге. По обеим сторонам дороги стали попадаться кочки, ельники, низенькие редкие молодые сосенки, вытянутые вдоль дороги деревни, с мазанками-домами, покрытыми серыми крышами.

Пейзаж стал однообразным, и смотреть по сторонам стало скучно. Ровные поля и пастбища. Южные оренбургские степи. Таранов начал вспоминать все, что он знал об этих местах, где уже более века назад обосновались его предки и откуда родом был его отец. Здесь гулял со своими ватагами Емельян Пугачев. Оренбургский край был главным очагом Крестьянской войны. Выходец из донских казаков Пугачев, объявил себя императором Петром III. Взять Оренбург восставшие не смогли, хотя осада и продолжалась почти полгода. Крестьянская армия непрерывно пополнялась новыми отрядами крестьян, казаков, заводских работ-

ных людей, башкир, татар, калмыков. Сконцентрировав крупные военные силы, правительство жестоко подавило Крестьянскую войну. Под Царицыном Пугачев потерпел окончательное поражение, был схвачен заговорщиками и выдан царским властям.

Таранов закрыл глаза. Вот как неожиданно меняется судьба. Совсем недавно он не думал и не гадал, что окажется здесь, вдали от столицы, родных, расстанется с прелестями петербургской жизни. И кто его знает, что ждет его впереди. Он еще не решил, как распорядится доставшимся ему наследством.

Его дядюшка Степан Петрович Таранов, как старший в семье, в возрасте 16 лет был отдан на военную службу. Карьеру он начинал унтер-офицером в пехотном полку, участвовал во многих кавказских кампаниях. За отличия был награжден орденом Святой Анны.

Последствия ранения в Закавказье не прошли для него бесследно. Вследствие болезни Степан Петрович был вынужден оставить армию. Командование уволило его в чине подполковника.

Возвратившись в Тарановку, он вскоре женился. Но с молодой женой они прожили счастливо лишь несколько лет. Заболев горячкой, она умерла, а дядюшка остался ей верен всю оставшуюся жизнь. Вот такая житейская история.

Покойный дядюшка был веселым и жизнерадостным человеком. Он почти каждый год приезжал к ним в Санкт-Петербург и много разговаривал с Иваном. И вот ранней весной после недолгой болезни дядюшка умер, завещав племяннику поместье — Тарановку. Почему именно ему, вы спросите? Дело в том, что это было родовое гнездо Тарановых и оно передавалось наследникам мужского пола.

Что мог он вспомнить о своем детстве? Его отец рано уехал из Тарановки. Работал по горному ведомству, много ездил по России. Женился. Мать происходила из семьи черниговских помещиков, была красива, скромна, добродетельна. Своих детей воспитывала в духе набожного, однако ж не чрезмерно.

Иван был вторым ребенком в семье. У него было две сестры, Лиза была старше, а Мария моложе. Говорили, что он родился полуживым, так как был при рождении чуть не задушен обмотавшейся вокруг него пуповиной. Только благодаря опытности акушерки, через некоторое время удалось услышать его первый вздох. Мама впоследствии говорила, что отец был очень рад рождению мальчика и плакал навзрыд, умоляя акушерку: «Спасите мальчика!» Видимо, хороший массаж и ванны, а также изрядное его здоровье помогли, и он издал первый басистый крик. Жили небогато. Отец так и не сделал карьеры, и им приходилось часто переезжать. Семья была всегда стеснена в средствах. В детстве Иван много болел. Ходить начал только в три года. Зато по рассказам маменьки был очень красивым мальчиком — настоящим кумиром всех девочек. Он мог часами рассматривать иллюстрированные журналы, мастерить всякие игрушки.

Воспоминания о Нижнем Новгороде были отрывочные. Он помнил, что его родители вместе с ним очень любили гулять по берегу Волги, заходить на пристани и любоваться пароходами, которых в то время было очень много. Все они отличались чрезвычайно громкими свистками, по которым можно было определить даже название парохода. По берегу стояло много пристаней, причём каждая из них отличалась от другой цветом своей окраски, в соответствующий цвет были окрашены и пароходы.

Когда ему исполнилось 6 лет, их семья из Нижнего переехала в Петербург. Его отдали учиться в частную начальную школу. После ее окончания он был принят в гимназию, где проявил большие способности к языкам, математике, физике, химии и гимнастике. В гимназии он научился фехтованию на рапирах и бою на саблях, выучился танцам, азам живописи и стихосложения. Наряду с увлечением спортом с 13 лет он так же страстно каждый месяц влюблялся в очередную девочку из соседней гимназии.

Все шло вполне благополучно, пока не заболел его отец. Врачи нашли у него сухотку спинного мозга. Ходил слух, что его отца кто-то опоил ртутными солями. Во всяком случае, он в сорокалетнем возрасте оказался инвалидом. Ему была назначена пожизненная пенсия. Гимназию Иван закончил с золотой медалью. У него была юношеская мечта получить философское образование, но жизнь распорядилась иначе: ему пришлось поступить в Петербургский императорский университет на юридическое отделение. Проучившись год, оставил его и поступил в технологический институт, но и здесь проучился не долго. Причина была финансовая. Денег в семье постоянно не хватало, поэтому ему приходилось зарабатывать репетиторством.

Еще во время учебы в университете Таранов стал писать стихи в модном символистском духе. Ему не нравилось всеобщее увлечение народническими темами, и он считал, что поэзия — высокое искусство и должно воспевать прекрасное, а не плакаться насчет неурожая и недоимок.

Детские и юношеские наивные мечты и планы о счастье и благополучии припомнил без горечи — и не посмеялся над ними. И боязнь прошлого предстала как далекое и чуждое страдание, — томление ненужное и тщетное...

Таранов посмотрел на часы, прошло уже почти три часа пути. Коляска тем временем проезжала очередную деревеньку. Стайка мальчишек в замаранных рубашках бежала рядом. Они тянули руки, и кричали: «Барин, подай сиротинке!» Несколько мужиков, сидя на лавках перед воротами, лузгали семечки. Бабы с толстыми лицами и перевязанными грудями несли с колодца на коромыслах ведра полные воды.

– Это что за деревенька?

– Разгуляево. Здесь помещик Разгуляев-Похмелкин проживает.

Они проехали еще версты три. Но Тарановки все не было видно. Наконец, за очередным поворотом дороги на косогоре кучер радостно махнул рукой:

– Вон она, наша Тарановка!

Еще минут через десять на пригорке он увидел каменный, в два этажа, господский дом. Позади — обширные хозяйственные постройки.

Родовой дом Тарановых стоял на возвышении, окруженный невысоким деревянным забором. Дом имел большие окна и весь утопал в зелени растущих вокруг него больших деревьев и кустов. Небольшой парк был разбит перед домом. В нем были разбросаны в английском стиле три клумбы с кустами сирени и желтой акации, с десятков берез. Под двумя из них была видна беседка с красным куполом и деревянными колоннами, пониже небольшой пруд, наполовину затянутый тиной.

У подножия этого возвышения, и частью по самому скату, темнели вдоль и поперек серенькие бревенчатые избы Тарановки. Впрочем, назвать это царство современной архитектурой было никак нельзя. Не поворачивался язык. Вид оживляли две бабы, которые, подобравши подола платьев, брели по пруду по колено в воде, волоча за собой бредень. Поодаль в стороне темнела роща.

– Молодой барин приехал! — раздалось у дороги радостное щебетание детворы.

Не успел Таранов порадоваться — какая смена им растет, как бричку резко качнуло в сторону, ее колесо попало в глубокую яму и он чуть не выпал в открытую дверь.

Когда экипаж подъехал к дому, тут же на высокое крыльцо выбежало несколько человек. Его здесь ждали. Впереди всех навстречу выдвинулся деревенский староста. Мужчина в возрасте с окладистой бородой и смоляными черными волосами.

Пожилая бабка, увидев Таранова, стала причитать:

– Как похож на покойного Степана Петровича! Вылитый он в молодости!

– Это наша экономка и кухарка Пелагея, — сообщил староста.

– Можно просто – Палаша! – улыбаясь и кланяясь, говорила та.

Таранов согласно кивнул головой.

Пока дворовые управлялись с его багажом, Таранов осматривал дом. Вблизи он выглядел каким-то печальным. Строения во дворе: людские, амбары, погреба были заметно обветшавшими. Все говорило, что хозяйство пришло в упадок. Ничего не оживляло картину. Облупившаяся краска на потолке, отставшие от стен потертые обои. Объяснение этому было то, что дядюшка последние несколько лет сильно болел. Несколько картин на стенах с изображением библейских сюжетов. Пара стеклянных стеновых книжных шкафов. Почитать дядюшка любил. Родовое гнездо было не очень респектабельным.

– Какие будут у вас приказания? – на пороге топтались староста и кучер Матвей.

– Сначала надо пообедать с дальней дороги, – перебила того Палаша, — барин устал и ему нужно отдохнуть.

– Хорошо, давайте все дела завтра, — согласился Таранов, — схожу только на могилу дядюшки.

Отобедав, Иван Михайлович вместе со старостой отправился на местный погост. Здесь он постоял на могиле дядюшки. Небольшой деревянный крест был водружен на свежем могильном холмике. «Надо будет сделать ограду и установить большой деревянный крест», подумал он.

После посещения могилы дядюшки, Таранов вернулся усадьбу. Солнце склонялось к закату. В гостиной, небольшой, в два окна, с цветами у окон и по углам и темною мебелью, было светло и грустно. Таранов стал раскладывать свой нехитрый багаж. Среди него были и самые дорогие для сердца: бинокль с меняющейся системой окуляров и книги.

Несколько лет назад Таранов напечатал первую книгу своих стихов «Вьсь поднебесная». Через товарища познакомился с одним из самых знаменитых поэтов символистов — Константином Бальмонтом и даже при случае осмелился подарить ему экземпляр своей книги. Но Бальмонт о книге никак не отозвался. Зато вскоре состоялось знакомство Таранова с Александром Блоком, который прочитал стихи и сказал Таранову несколько одобрительных слов. Особенно Блок отметил строки:

Сквозь пену облаков лечу, свободный,
Как некогда Икар летел навстречу
Своей судьбе, бросая вызов солнцу...

Также Блок подарил Таранову свою книгу стихов с дарственной надписью «Ивану Таранову».

И сейчас, благоговейно беря в руки эту книгу, он раскрыл ее и от избытка чувств почитал самое любимое стихотворение:

Путник, ропщи,
Бога ищи,
Бога тебе не найти.
Долог твой путь,
Все позабуди,
Все у тебя впереди!
Молодость прочь!
Черная ночь
Молодость скроет от глаз...
Видишь других,
Вечно больных,
Свет их погас!
Все впереди,

Смело иди,
Черная двинулась ночь...
Нет, не пойдешь,
Прежде умрешь...
Прочь, безотрадная, прочь!..

Вечером, ложась на приготовленную мягкую пуховую перину, удивлялся парадоксам жизни, вот как бывает, совсем недавно у него была одна жизнь, а сейчас он как бы в другом мире. В доме было подозрительно тихо, как будто весь дом прислушивался к любому движению в его спальней комнате. Таранову было даже слышно, как в соседней комнате тикают небольшие настенные часы-ходики. Мечты и мысли, неопределенные и смутные, толпились у него в голове.

2. Тарановка и ее обитатели

Утром Таранов проснулся довольно рано, часов около восьми. В доме уже слышались голоса и шаги. Жизнь оживала. Он встал и открыл окно спальни. Хлопнули ворота, послышался звонкий бабий голос, пробежала звучно по шатким мосткам под окнами босая девчонка с лохматою головою. Начиналась новая для него жизнь, какая она будет? Интересная или скучная, что она ему принесет?

День обещал быть солнечным и жарким. Он спустился на первый этаж в столовую.

– Доброе утро, барин, — засуетилась Пелагея. — Как спалось на новом месте?

– Отлично.

– Кофею, когда подавать изволите?

– А как будет готово, так и подавайте.

– Хорошо барин. Я быстро.

– Да не торопитесь, у меня теперь много времени.

Минут через пятнадцать он был позван в столовую, где уже был готов легкий завтрак, и дымилась чашка кофе. Что же, жизнь ему нравится все больше и больше. Не надо теперь идти на службу, и вспоминались слова его батюшки, который часто говаривал: «Эх, ма, была бы денег тьма, купил бы себе деревеньку и жил бы себе помаленьку!» Мечта отца не осуществилась. Он рано ушел из жизни. А Таранов теперь стоял перед дилеммой, как лучше поступить: продать имение и начать жить на вырученные деньги или начать хозяйствовать.

И вот сейчас спокойно можно начать разбираться с делами. Таранов прошел в дядюшкин кабинет. Книжные шкафы и полки для книг занимали много места в кабинете. Письменный стол наполовину загромождали тетради и книги. Он стал переключать книги, многие из которых не были еще разрезаны.

Его занятие было прервано странным шипением, заставившим его сначала испугаться, а потом, взглянув на стену, понять, что звук исходит из больших стареньких часов, висевших на стене. После этого они вдруг стали издавать звуки, похожие на то, если бы по дну сковородки скребли ложкой. Так они сообщили, что уже десять утра. После этого они затихли, а маятник вновь стал отмахивать туда-сюда.

Между тем, он наугад взял одну из тетрадок в руки. Это были какие-то записи с цифрами. У дядюшки не было приказчика и все дела он вел сам. Иван Михайлович начал ее листать, читая сделанные записи. Они касались главным образом погоды и хозяйственной деятельности:

«День 1 марта был очень красивый, солнечный и теплый. От тепла на улицах появились лужи воды. В нашей местности нанимать пастухов пасти скот на одно лето, на хозяйских харчах, на хозяйской обуви и одежде, очень дорого.

В день святых 40 мучеников 9 марта была сильная холодная снежная метель. От снежной метели образовались большие сугробы снега. Через деревни с большим трудом проезжали. После метели 10 марта был мороз и достигал до 12 градусов.

10 марта купил у разносчика «О разведении вишневых садов», «Как водить пчел», «Табак — как прихоть и несчастье человека». «Погода у нас стоит удивительная. Вчера термометр показывал днем — 2 градуса, а к вечеру — 10 градусов. Днем же были ручьи. Удивительный климат, стоящий наблюдения. С 8 по 12 марта были морозы...»

Но дальнейшее чтение тетради было прервано приходом старосты, и он вместе с ним пошел знакомиться с Тарановкой.

Староста показал небольшую пивоварню, в которой дядюшка варил пиво.

Пройдясь по деревне, они тут же встретили странного человека, по всему видно, местного дурачка. Он нес ведро воды со стороны кладбища.

Староста махнул в его сторону рукой:

– Это у нас Колюнька, с детства ушибленный. Когда ему было около десяти лет, он переболел тяжелой болезнью. По милости Божией выжил, но так и остался на всю жизнь Колюнькой.

Таранов поздоровался с юродивым:

– Здравствуй, Колюня!

– Здравствуйте! – ответил тот и остановился, поставив ведро на землю.

– Куда это ты ведро несешь?

– Надо цветы полить у дома.

Староста, наклонившись к Таранову, объяснил:

– На кладбище есть большие бочки, в которые собирается дождевая вода.

Таранов удивился:

– Так зачем же ты воду с кладбища несешь? Ведь ведро-то тяжелое, а тебе его придется вниз с горы тащить. Набрал бы воды у дома, да и поливал бы цветы.

Дурачок заговорщически засмеялся:

– Нет, та вода не годится.

– Вы, Иван Михайлович, не подумайте, что Колюня совсем такой уж дурачок, — посоветовал староста, — он может такие вещи объяснить. Вот я его сейчас спрошу, к примеру:

– Колюня, а что самое главное в жизни?

– Вера. Православная вера, — отвечал тот уверенно.

– А неправославные спасутся?

– Не знаю.

– А как спасаться?

– Мячиком.

– Мячиком?

– Мячик будет катиться по дороге и прикатится прямо в Царствие Небесное.

Произнося последние слова, местный дурачок добро заулыбался. Колюня имел на зависть ровные и белоснежные зубы. И когда он смеялся, запрокидывая голову назад, они сверкали как жемчужины. Его светло-прозрачные глаза в эту минуту казались темно-карими, глубокими. Взгляд пронзал душу. Но это только на мгновение.

Про себя Таранов подумал, вот и пойми его: то ли дурачок, то ли... Хотя на Руси люди издревле делились по социальному положению на три категории: господа, холопы и юродивые. В любой русской деревне всегда есть свой дурачок. Дело не в том, что на эту роль обязательно кто-то попадает. Он может быть действительно психически не совсем полноценным, а может и совсем нормальным. Но его делает дурачком деревня, он ей нужен. И он говорит, как правило, то, что думает, или то, что хотят слышать другие.

Таранов осмотрел деревенскую водяную мельницу и кузницу. В одном подворье мужики строили баньку. Староста, показывая на Таранова, представил его.

– Вот молодой барин приехал из самого Петербурга.

– А что, барин, с просьбой к вам, как просвещенному человеку можно обратиться?

– Что за просьба?

– Не посоветуете, как лучше полок ложить, из струганных досок или не струганных? Мы тут спорим промеж собой. Один говорит, что на не струганных лежать будет приятнее, и они оботрутса. Другой же говорит, что и струганные доски будут хороши.

Таранов был не готов к такому каверзному вопросу, но он ловко ушел от прямого ответа. И подумав некоторое время, посоветовал:

– Можно и не струганные, но, перевернув, чтобы они были внизу.

Ближе к вечеру к Таранову пожаловал батюшка из церкви, которая располагалась в соседней Березовке. Таранов пил чай, а отец Онуфрий пожелал выпить квасу.

– Я, как только прослышал, что вы вчера пожаловали в Тарановку, дай думаю, съезжу к новому хозяину, познакомлюсь, — говорил отец Онуфрий.

– Правильно сделали батюшка.

– Мы ведь с вашим покойным дядюшкой очень дружили. Простой был человек, мы с ним вели всякие споры. Говорил мне, вот помру, оставлю имение Ивану — племяннику, пусть хозяйничает в фамильном имении.

– Спасибо дядюшке, я ему очень благодарен за наследство.

– Ваш дядюшка любил пиво, а я вот уважаю квасок.

– Палаша, принеси батюшке квасу, — попросил Таранов кухарку.

– Спасибо, не откажусь.

– Пиво — это наше фамильное. Еще наш прадед, когда сюда переселился, варил пиво и даже, говорят, возил его в Москву.

– Да это я знаю. Но я люблю больше квас и — батюшка, отпив несколько глотков напитка, блаженно произнес, — У-у, ква-сок... дю-же хорош квасок... Знатный квасок. Хотя и пиво у вашего дядюшки приходилось попивать...

– Квас тоже хорошо. Но что такое квас? Это бедный алкоголем и свободный от дрожжей напиток, приготовленный при помощи одновременно кислого и алкогольного брожения.

– Вот что значит ученый. Мы-то тут в деревне и не задумываемся об этом. Пьем квасок и пьем.

– Отец американской государственности, — Таранов несколько распалился, — автор конституции США Бенджамин Франклин утверждал, что пиво является прямым доказательством того, что Бог любит нас и желает видеть нас счастливыми.

– А я смотрю, вы батенька, софист. Ишь, как закрутили. Я по поводу пива вот что скажу. Как часто я слышу от сельских хозяев жалобы, что они не знают, чем поить рабочих во время летних работ в поле: водой люди недовольны, притом она часто приносит с собой различные болезни, а пиво слишком дорого, и рабочие от него слабеют, тяжелеют и делаются ленивыми. А вот квас очень дешев и не производит ни одного из вредных действий, которые свойственны алкоголю.

– Нет, я с вами все-таки не согласен, — пылко возразил Таранов, — пиво это пиво, а квас — это квас.

– Не будем спорить, — примирительно произнес батюшка и минуту помолчав, спросил: — Как вам тут, нравится?

– Нравится.

– И я вот здесь с удовольствием живу. У нас высокое небо с такими восходами и закатами, аж сердце замирает! А как поют птицы! По утрам они меня будят: встань, посмотри, как под лучами солнца просыпается земля. А вечерняя переключка цикад? На огороде у меня целая аптека. Работаю на земле, выращиваю овощи, фрукты, словом все, что требуется для здоровой жизни.

Отец Онуфрий вдруг сделался серьезным и стал молиться:

«Притечем к Господу и помолимся. Боже, Владыко Благой, приведи мир к покаянию, облегчи страдания страждущих и посрами козни лукавого.

Сними одну за другой все печати греха и удали от непосильных искушений и скорбей. Да омоется слезами плоть многооскверненная и предстанет картина греха перед оком сердца. Да возрадуемся до последних дней и испросим милости у Царицы и Госпожи нашей Богородицы.

Господи, даруй нам истинное покаяние и свидетельство перед Тобой. Да покается вся вселенная, да возрыдают города, вздохнут горы и прослезится небо».

Таранов тоже перекрестился.

– В следующий раз заезжайте запросто, — провожал он отца Онуфрия.

...Прошло еще несколько недель. Таранов потихоньку обустроивал свой быт, начал вникать в хозяйственные дела, накопившиеся после смерти дядюшки. Съездил пару раз в город с хлопотами о вступлении в дядюшкино наследство.

Осмотрел винокурню, но особенно был восхищен трудом вязальщиц пуховых платков, которые изготавливали почти в каждом доме Тарановки.

Вязка платка от начала и до конца производилась на стальных спицах, похожих на те, посредством которых обычно вяжут чулки, только более длинных. На одном конце спиц насаживается шарик из сургуча, чтобы петли не спускались. На вязку одного теплого платка вязальщица в среднем затрачивала около 20 дней.

После стирки платок натягивали на специально приспособленную раму и просушивали в натопленном помещении.

Вязальщицы сами были авторами рисунков, которыми украшается платок. Узоры на платках были весьма разнообразны и носили названия: «кошачьи лапки», «паутинка», «елочка», «шашечки», «цепочки», «тройная ягодка», «круглая малинка», «пшенка», «змейка», «змейка с отростками»...

Оренбургские пуховые платки не имели равных себе по тонкости работы, оригинальности узора, красоте отделки, эластичности, прочности и способности сохранять тепло. Особым изяществом отличались ажурные платки, так называемые «паутинки», несмотря на большой размер их можно было легко уложить в скорлупу гусиного яйца или пропустить через обручальное кольцо.

3. Благородное семейство

Таранов один из первых визитов нанес своим соседям – помещикам Ракитским. Они проживали в шести верстах от Тарановки. Иван Михайлович несколько раз с ними случайно сталкивался, бывая по делам в Оренбурге, и был зван ими в гости. Аркадий Андреевич Ракитский – глава семейства был представительный мужчина лет этак шестидесяти, среднего роста. На добром лице всегда была лёгкая улыбка и усы колечком. Под воротничком белоснежной рубашки светлый галстук, концы которого сколоты булавкой, а на ней крупный аквамарин. Он был одет в светлый чесучовый костюм, а трость придавала ему особую элегантность. На голове форменный картуз с белым верхом и чёрным лакированным козырьком, на околыше кокарда с гербом Лесной академии, которую он в своё время закончил. Он обычно ездил на своей пролётке, запряжённой тёмно-серым орловским рысаком в голубой попоне и с кучером, и всё время приподнимал картуз, раскланиваясь со знакомыми.

Глава семейства избирался почётным мировым судьёй и членом судебного присутствия уездного и окружного суда и городского съезда мировых судей. С его именем была связана и деятельность Общества сельского хозяйства при губернской земской управе, в которой он состоял членом правления, казначеем. Слыл Ракитский консервативным деятелем, ревностным защитником интересов своего сословия, иницируя в губернском земском собрании (по традиции губернский предводитель дворянства был председателем губернского земского собрания) всевозможные законодательные постановления, ограничивавшие разного рода «вольности и послабления». Очень резкую и непримиримую позицию занимал он в вопросе «народничества» и иной революционной крамолы. Немало сделал для развития народного образования и здравоохранения в губернии, направляя усилия и средства земства на открытие школ, больниц, приютов.

Семейство Ракитских кроме его главы также включало супругу Анну Борисовну, двух дочерей — Милентину и Станиславу, которых называли в память польских предков Ракитских. Обе дочери окончили институт благородных девиц, прекрасно владели иностранными языками. Младшая Станислава собиралась выйти замуж за банковского служащего из Москвы, а старшая была чахоточной и каждую зиму ездила лечиться в Швейцарию, присылала оттуда чудесные цветные открытки с горными пейзажами и альпийскими домиками на склонах. Какое-нибудь окно было помечено крестиком и приписано «здесь я живу». Иногда Милентину сопровождала мать Анна Борисовна. По поручению Аркадия Андреевича они привозили из таких поездок семена, луковицы и черенки, которые покупали в Италии, Австро-Венгрии, Германии... Еще с ними жила их дальняя родственница Шурочка.

Лето Ракитские всей семьёй проводили неизменно в своём имении, расположенном в изумительной местности. Усадьба была богатой: главный господский дом был каменный, в два этажа, с оранжереей. При доме имелись конюшня, каретник, многочисленные службы — всё было огорожено каменным забором с деревянными решётками и створчатыми воротами. На широком дворе высланный дёрном круг огорожен перилами и обсажен разного рода кустарником, в середине круга на каменном столбе — солнечные часы. В Березовке была построена каменная церковь весьма оригинальной архитектуры — во имя Святой Троицы.

Неподалёку — барский пруд с купальней и чуть дальше — другой, где в донных и холодных родниковых ключах водилась форель, также завезённая из Швейцарии. Через улицу располагалась вотчинная контора, людская, хлебные амбары, кладовые, скотный двор. Кроме этого, в имении было господское гумно с ригами, хлебный магазин, ветряная мельница, крупорушка, кузница, овчарня шпанских овец, птичий двор и плодовый сад.

Таранов был ласково встречен хозяевами усадьбы. Тут же находился местный батюшка, уже знакомый отец Онуфрий. Говорили обо всем. О новостях столицы, о погоде, урожае. Спра-

шивали, чем Иван Михайлович собирается заниматься. Потом разговор плавно перешел на местные губернские дела.

– Наша Оренбургская губерния издавна славится как хлебный центр. – рассказывал Ракитский, — Оренбургская пшеница и пшено имеют всероссийскую известность. Урожай в губернии в былые годы был баснословный, земля — глубокий чернозем не требует почти никакой обработки.

Заговорили о налогах. Аркадий Андреевич важно сообщил, что еще Екатерина II говорила о том, что налоги для государства, то же, что паруса для корабля. Они служат тому, чтобы скорее ввести его в гавань, а не тому, чтобы завалить его своим бременем или держать всегда в открытом море и чтоб, наконец, потопить его. Какой замечательный образчик истинного либерала и демократа, подумал о хозяине Березовки Иван Михайлович.

Тем временем, Анна Борисовна поведала, что некая госпожа Вебер излечила керосином язву желудка.

Таранов стал возражать:

– То, о чем вы рассказали, в медицине называется «эффектом пустышки». Просто человек верит в чудодейственные свойства лекарства, о которых он от кого-то услышал или где-то прочитал. Условно говоря, людям можно давать обычную воду, утверждая, что это новое лекарство, и во многих случаях это будет помогать — налицо обычный метод внушения. Что же касается именно керосина, то при приеме внутрь он в принципе опасен. Если же им мазать раны, то кровь вполне может остановиться, как и при обработке их любой жидкостью с мазевой основой.

– А что вы думаете о конце света?

– Наша старушка Вселенная родилась 13–14 миллиардов лет тому назад. Предпенсионный возраст уже сказывается на ее плодовитости: если в начале своего создания она рождала четыре звезды каждую секунду, то сегодня только две.

– А как они рождаются?

– Очень просто. Процесс производства новых звезд мало чем отличается от человеческого. Две взрослых звезды сливаются воедино, и после соития, правда похожего на катастрофу, гибнут, и уже из их пепла появляются новые звездочки.

– Как любопытно!

– Более склочного и непредсказуемого характера, чем у галактик, во всей Вселенной не сыщешь. Они сталкиваются лбами, раздирают друг друга на куски и иногда даже пожирают друг друга. Даже наша родная Галактика — Млечный путь не является исключением, она медленно пережевывает карликовую галактику Стрельца. Полностью она «доест» ее через 200 миллионов лет. И тогда 10 миллионов этих звезд присоединятся к нашим собственным 50 миллиардам. Мы сейчас разбегаемся, раздуваемся, как гигантский воздушный шар.

– А не лопнем?

– У нас, вероятно, будет другой конец. Примерно через 5 миллиардов лет произойдет столкновение миров. Млечный путь и Туманность Андромеды уже сегодня медленно, но неотвратно движутся навстречу друг другу со скоростью пятьсот тысяч километров в час. И когда они сблизятся, Андромеда взорвется в самой сердцевине нашей галактики.

– Ужасно. Зачем спрашивается жить.

– Но нашим правнукам эта катастрофа не грозит. Мы погибнем раньше, если конечно ничего не придумаем, как выйти из этой ситуации. Солнце через ближайших 2 миллиарда лет сожжет все запасы топлива и перестанет нас обогревать. Земля после этого превратится в безжизненный и замерзший каменный обломок.

– Все что вы рассказываете, Иван Михайлович, очень, очень интересно, — важно произнес отец Онуфрий, — но я надеюсь, что в вашем лице мы приобрели добропорядочного прихожанина. Все, что нужно крещеному, чтобы пребывать под защитой Господа, это избегать

грехов и сохранять полученную благодать Святого Духа. Но дьявол, потеряв доступ к новому члену Церкви, начинает высматривать новые способы, как бы опять влиять на него. Этого он старается достичь своим обычным орудием — соблазнами.

– Я не имею каких-либо греховных помыслов, — махнул рукой Таранов.

– И, слава Богу. Конечно, христианин получает от Бога все нужные средства для отражения соблазнов, но если он расслабляется и начинает жить плотской жизнью, грешить, то дьявол снова получает к нему доступ и начинает поработать его с еще большей жестокостью. Об этом Господь Иисус Христос сказал: «Когда нечистый дух выйдет из человека, то ходит по безводным местам, ища покоя, и не находит. Тогда говорит: возвращусь в дом, откуда я вышел. И пришел, находит его незанятым, выметенным и убранным. Тогда идет и берет с собою семь других духов, злейших себя и вошедши живут там; и бывает для человека того последнее хуже первого». Предупреждая об этой опасности, Священное Писание призывает нас быть бдительными: «Кто думает, что стоит, берегись, чтобы не упасть» Апостол Павел учит, что христианин должен считать себя воином Христовым, находящимся в центре сражения.

Спустя еще несколько дней Таранов получил приглашение посетить другого своего соседа с необычной двойной фамилией Разгуляев—Похмелкин.

– Так вот, Пал Палыч просят вас пожаловать к нему в Разгуляево, — переминаясь с ноги на ногу и несколько смущаясь, говорил соседский посланец.

– Когда же?

– Да уж, вот сейчас же, если вам возможно.

– Ладно. Передай, что скоро буду. — Таранов решил не откладывать визит и навестить своего ближайшего соседа, и тут же была дана команда Матвеем заложить бричку.

Иван Михайлович был уже наслышан о нравах своего соседа, что тот был заядлым картежником и пьяницей. Судачили, что, служа в Петербурге в Преображенском полку, Разгуляев прославился громкими скандалами: однажды, принимая участие в охране Петербургского тракта по случаю проезда Государя, он стал требовать лошадей для собственной надобности, а получив отказ, скомандовал своей роте: «В ружье!» Лошади, конечно, были выданы, но дело получило огласку, назначили суд, на котором вспомнились и другие прегрешения Разгуляева: пьянки, драки, кутежи, карты, и его уволили из полка. Оказавшись здесь в оренбургских родных местах, он дал выход обуревавшей его обиде по поводу неудавшейся карьеры. Родные отвернулась от него из-за его «неукротимого нрава». Самым громким «подвигом» был погром однодворцев, которые прихватывали в собственность его уголья. Разгуляев сначала протестовал против этого, потом подал жалобу в суд, а затем, видя, что его дело затягивается, устроил со своими дворовыми настоящее побоище. Потом поджег хлеба своих врагов и, стоя на телеге, кричал: «Я — бич ваш!»

Подъезжая ко двору, Таранов увидел на крыльце самого хозяина, который стоял в зеленом халате, приставив руку ко лбу в виде зонтика над глазами, чтобы рассмотреть получше подъезжавший экипаж. По мере того как бричка близилась к крыльцу, глаза его делались веселее, и улыбка раздвигалась более и более. Разгуляев был высокого роста, тучен. Лоб у него был узкий, низкий, лицо заросло колючими темно-рыжими волосами.

Таранов был встречен радушно и шумно. После представления друг другу и горячего рукопожатия, Разгуляев поинтересовался: не играет ли он в карты.

– Так, иногда, — слукавил Таранов.

– А жаль. Ищу партнеров. Приходится, чтобы перекинуться в картишки специально ездить в город.

– Жаль, я в карты не играю, — произнес Иван Михайлович.

– Играть не следует в двух случаях, когда вы не можете себе этого позволить и когда вы можете себе это позволить.

Таранов был приглашен в дом. При входе в сени, его взору предстала картина запустения. Оброненный кем-то молоток мешался под ногами, из угла зашипел кот, который, правда, из-за старости уже не был способен ловить крыс.

– Тише ты! — цыкнул на него Разгуляев, вглядываясь в мерцающие изумрудом глаза кота. — Из всех божьих созданий только одного нельзя силой приручить — это кошку. Если бы можно было бы скрестить человека с кошкой, это улучшило бы людскую породу, но повредило бы кошкам.

Кот отступил в темноту и исчез.

Тут же был накрыт стол, на котором были выставлены всякие напитки и местное пиво.

Пал Палыч тут же перешел с Тарановым на ты. И спустя пять минут уже хлопал того по плечу как старого приятеля.

– С кем уже познакомился?

– С отцом Онуфрием.

– И как?

– Очень достойный человек.

– Он тоже давеча был у меня. Я ему говорю батюшка, что вы пить будете, наливку или водку? А он мне: — И пиво, сын мой, и пиво!

– Ну, я ему налил кружечку. А он мне и говорит: «Пиво — это еще одно доказательство того, что Бог любит нас и хочет, чтобы мы были счастливы в этой жизни полной радости и удовольствия».

Таранов про себя улыбнулся. Батюшка начинает цитировать его слова, а вслух спросил:

– Вы пиво варите?

– Да, мы с твоим покойным дядюшкой баловались этим делом. Ты пиво-то пьешь?

– Хорошее, почему бы и нет.

– Вот, и я. Кстати, как только я узнал, что пена это тоже пиво, я перестал ее сдувать!

Разговор был ни о чем. По полной программе досталось от соседа губернатору. «Он подлец, негодяй, жулик и вор, утверждал Разгуляев, — если я подам на него в суд, то в суде на него наручники наденут. Меня в столице знают, награждают, а этот чудаков в Оренбурге сидит и ни о чем не думает».

Таранов согласно кивал головой, не решаясь возражать.

– А знаешь, как определить хороший кучер или нет?

– Нет, Пал Палыч, я же житель городской.

– Хорошего кучера сейчас можно определить, смотря по тому, как он говорит о своих лошадях. Если он говорит: «Моего барина лошади» — то сейчас же следует его гнать вон. Если он говорит: «Наши лошади» — то с этим можно еще кое-как мириться, и, наконец, если он говорит: «Мои лошади», то таким кучером надо дорожить так же, как и он дорожит «своими лошадьми».

Уже сев в бричку и отъезжая от Разгуляево Таранов подумал: «Нигде не найти покоя тому, кто не нашел его в самом себе».

4. Пивное дело

День за днем проходили в заботах. После нескольких месяцев хлопот и всех служебных проволочек Иван Таранов, наконец, вступил в право наследования помещьем. Он уже как заправский наездник почти каждый день совершал конные прогулки на гнедом жеребце, которого Матвей ему выбрал из самых смиренных лошадей в конюшне.

Что делать дальше Иван Михайлович так и не решил, вникать в сельское хозяйство ему не хотелось. Он все откладывал и думал про себя: пусть все идет, как идет. Когда человек не знает, к какой пристани держит путь, для него ни один ветер не будет попутным, говаривал Сенека.

Казалось, еще чуть-чуть, и в России станет еще одним «пленником рифмы» больше, пока Волею Его Величества Случая не произошло одно знаменательное событие, ставшее судьбоносным. Но у каждого человека видно есть судьба.

В это утро Таранов вышел на крыльцо, зевая и распрямляя грудь, продекламировал:

– Коня! Коня! Полцарства — за коня!

– Жениться вам надо, барин..., — ласково сказала Пелагея, выглянув из столовой, — идите завтракать, уж все остыло.

Неожиданно он заметил, что у кузницы стоит перекосившись конный экипаж. Видно, что-то с ним произошло. И вот приходится местному тарановскому кузнецу что-то чинить.

– Что там, Палаш, случилось? У кузницы какой-то экипаж?

– Немец один сломался. Будете завтракать?

– Подожди-ка, пойду, узнаю, что за немец.

Таранов заинтригованный этим событием сразу направился в сторону кузницы. Как он и предполагал, с экипажем случилась поломка. Сломался шкив, на котором держится одно из колес. Дальше экипаж на трех колесах ехать никак не мог. Между тем кузнец, почесывая бороду, утверждал, что за час-другой справится с работой. Тут же был и господин, который ехал на этой коляске.

– Франц фон Флекингер, — представился мужчина в ответ на приветствие Таранова. — Я был знаком с вашим покойным дядюшкой. На заказ мне тут ваши мастерицы вяжут пуховые платки.

Как гостеприимный хозяин Таранов пригласил немца, пока чинят экипаж, зайти в его дом и выпить чашку кофе. Тот сразу согласился на любезное приглашение.

Пелагея, увидев гостя, закивала ему как старому знакомому.

– Вы, я вижу, знакомы, — удивился Таранов.

– А как же. Я тут у вас частенько бывал. Мы с вашим дядюшкой вели общие дела. Надеюсь, и с вами у нас все будет складываться так же хорошо.

– Чем могу, тем помогу.

Тем временем Пелагея подала ароматный кофе.

– Утром предпочитаю этот напиток. Он бодрит и настраивает на деловой ритм.

– Здесь я с вами согласен. Но это утром. Король Фридрих Великий говорил: «Все пьют кофе. Это должно быть по возможности прекращено. Мои люди должны пить пиво».

– Дядюшка много лет варил пиво в своей пивоварне. Для него это было увлечение.

– Да, он угощал меня своим пивом и спрашивал совета. Я ведь, молодой человек, к пиву имею тоже некоторое отношение. В молодости мне пришлось работать управляющим на петербургском пивоваренном заводе «Бавария».

– Когда я был студентом, мы любили попить «Баварию», оно мне нравится. Хорошее пиво. Но там был целый пивоваренный завод, а здесь у нас что?

– Не в этом дело. Ваш дядюшка был консерватор.

- Просто он придерживался старых традиций.
 - Знаете, где варят самое лучшее пиво?
 - Где?
 - В маленьких пивоварнях вокруг Кёльна. Вот там его сущность, первоисточник. Живой продукт, небесный нектар. И знаете, какой срок хранения у такого пива?
 - Откуда?
 - Семь дней. Триста лет в каком-нибудь Нойгартене варят пиво по одному и тому же рецепту, все это знают и пьют его там все триста лет с большим удовольствием.
 - Завидки берут.
 - У нас в Германии говорят: «Сохрани, Господи, солод и хмель!» и считают пиво одним из основных продуктов питания. Одна из причин неизменной верности к пиву кроется в том, что для его приготовления нужны совсем простые продукты: ячмень, хмель, дрожжи и вода.
 - Русский человек к пиву не приучен.
 - А жаль. Пиво очень полезный напиток.
 - У нас больше пьют водку.
 - Я-я. Это крепкий напиток. Его немного надо, чтобы опьянеть. А пиво – это напиток богов. Оно приятно пьется, богато витаминами, улучшает работу сердца и стимулирует обмен веществ. Знаете, как у нас в Германии проверяется качество?
 - Нет. Не слышал.
 - Ведро пива выливают на дубовую скамью, на которую затем усаживают членов местного магистрата, одетых в кожаные штаны. Если за определенное время их штаны прилипают к скамье, пиво считается качественным. Если же нет — к нерадивому пивовару применяются строгие меры.
 - Жалко, столько пива выливается зря на скамью.
 - Не стоит жалеть пиво. Зато остальное пиво качественное.
 - Скажите, пиво придумали в Германии?
 - На египетских барельефах, коим без малого семь тысяч лет, изображено приготовление пива из ячменя. «Не знать пива — не знать радости», — говаривали жители древнего Двуречья.
 - Как интересно вы рассказываете, гер Франц!
 - У нас в Германии пиво любят все или почти все. Его не зря называют народным напитком. Можно смело утверждать, что для нас немцев пиво не просто приятный напиток, а образ жизни. Культуру потребления пива настоящие знатоки отшлифовывали веками.
 - На мой взгляд, пиво должно быть национальным. Вот вы любите национальную кухню? Тогда запивай блюда соответствующей национальности пивом.
 - В этом вы правы, гер Таранов, но есть ведь и общие правила производства пива.
 - Конечно, надо использовать лучшие технологии, но как их узнать?
 - Я вам мог бы помочь в этом.
- Таранов загорелся:
- Я уверен, что смогу приготовить хорошее пиво с учетом всех самых современных достижений западной технологии.
 - Я вам выпишу книги по пивоваренному производству, которые вам пригодятся.
- Провожая гостя Таранов был в отличном расположении духа и декламировал:

Ученый, умный человек
Нигде, дитя, не пропадет;
Он смело, гордо в жизнь войдет,
Разумно проживет свой век...

...Это знакомство оказалось из разряда судьбоносных — Таранов загорелся идеей заняться изготовлением замечательного напитка, тем более, что он был из той породы русских мужиков, которые упрутся, набычатся и уж точно ничто не свернет их с дороги. Пригодились знания, полученные в университете. У него была твердая уверенность, что время для развития пивоварения в России наступило самое благоприятное: именно в начале XX века россияне по-настоящему полюбят и оценят пиво европейского типа.

В эти годы по всей стране весьма продуктивно работали многочисленные крупные и мелкие пивные предприятия. И Таранов, конечно, понимал, что завоевать свою долю российского рынка не просто, но твердо верил, что это возможно, если предложить новое, оригинальное пиво, отличающееся гармоничным, легким и свежим вкусом. После целого года экспериментов Таранов изобрел собственный рецепт пива.

Он с утроенной энергией принялся за дело. Он начал изучать процесс производства пива, способы обжаривания солода, особенности различных сортов ячменя и хмеля и т. д. Съездил для изучения пивного производства в Германию. Поездка произвела на Таранова большое впечатление. Особенно поразил его огромный пивной зал «Хофбройхаус» в Мюнхене. Из других достопримечательностей Таранову приглянулся старинный рынок на Виктуален маркт. Первое, что бросилось ему в глаза при подходе к рынку, было «майбаум» («майское дерево»), напоминающее о средневековой немецкой традиции ставить в селениях бело-голубой столб с картинками — указателями ремесел, которыми занимались местные жители. Была на столбе и картинка с пивной кружкой...

В конце концов, Таранов так увлекся всем этим, что для себя он решил, что это будет недорогое пиво и всегда высокого качества. Именно сочетание цены, качества и вкуса. Новое пиво он будет распространять по всей России в бочках и бутылках. Пиво будет выпускаться двух сортов: классическое и светлое. Классическое — имеет насыщенный аромат, янтарный цвет и приятный вкус. А что нужно для пива — хмель, ячменный солод и чистейшая артезианская вода. У него все это было. Таранов взял в банке большой кредит, заложив в банке часть наследственных земель, и построил пивоваренный завод.

Шло время. Уже всюду узнаваемый Таранов чувствовал себя не то чтобы совсем чужаком в оренбургском бомонде, но и не вполне «своим». О нем поговаривали, что он, мол, слишком самоуверен. Ему с успехом удавалось скрывать собственную неуверенность в себе.

Но нужна была реклама. Его пиво стало продаваться в оренбургских пивных. На одном из представлений в театре в антракте Таранов встал и обратился к публике со следующими словами:

– Милостивые государыни и милостивые государи! Меня зовут Иван Михайлович Таранов, я варю пиво и торгую им. Меня многие знают. Нигде нельзя купить такое хорошее пиво, как у меня. Приходите в пивную у театра. А если вы возьмете три кружки, четвертую вам нальют бесплатно. Приходите все и воспользуйтесь случаем.

Сказав это, он сел. Публика, которая вначале была очень удивлена этой неожиданной речью, затем стала аплодировать оратору и даже заставила его еще раз повторить свою речь.

В небольшом городе новости и слухи расходятся тем быстрее, чем они фантастичнее. Стоило Ивану Михайловичу однажды выступить в театре, как теперь к городским толкам постоянно приплеталось его имя. В низших слоях общества слухи насчет Таранова были совсем нелепы.

Одни говорили, что он летает на шарах по ночам, когда все спят, а видеть его нельзя и шара нельзя, так как он на шаре вроде как шапка-невидимка.

– Какой там шар! — толковали другие. — А летает он на огненном змее.

– А, пожалуй, что и так, — соглашались первые.

– А то просто оседлает метлу, да и поедет. Говорили, будто Таранов собирает людей в тайное согласие и кладет на них антихристову печать.

Выдумка пошла гулять по городу, выдавалась за несомненное и ни в ком не встречала возражений.

Каждый раз, когда Таранов шел по улице, встречные осматривали его с особенным вниманием. Иные останавливались и смотрели вслед за ним. Враждебны и боязливы были эти взгляды. А Таранов не замечал их, — он погружен был в свои планы и мечты.

Шло время, дни за днями, недели за неделями, месяцы за месяцами. Таранов даже очень занятый своими делами, продолжал изредка бывать в Березовке в благородном семействе, как он его про себя называл.

Особые отношения у него сложились с дальней родственницей Ракитского Шурочкой, которая жила в их семье. Не обратить на Шурочку внимания было невозможно. Она ему нравилась. Русые волосы, сплетенные в густую косу. Бледное лицо с хорошими добрыми глазами. Она была типичная русская красавица.

Из-за слабого здоровья ее мать рано умерла, а отец был убит во время войны на Кавказе, когда она была еще совсем маленькой. Шурочка была взята в семью Ракитских.

Вот и сегодня первой в доме Ракитских его встретила Шурочка и проводила в гостиную.

– Чаю, хотите? – девушка сказала это мягко, и дружелюбно улыбаясь. Потом поднялась и медленно пошла на кухню. Вернулась с вазочкой варенья, которую поставила на чайный столик, затем принесла два ножа. Она намазала маслом пшеничные лепешки и стала разливать чай.

– Вся округа судачит, Иван Михайлович, о ваших успехах в производстве пива.

– Спасибо большое. Бизнес это комбинация войны и спорта.

– Все равно любая инициатива заслуживает внимания. Главное, чтобы получалось.

Тем временем в гостиную вошли Ракитский и его супруга.

– Очень рады вас видеть. Очень.

– Вы меня смущаете, Аркадий Андреевич.

– Как ваше пиво?

– Старая китайская пословица гласит: «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать».

Я привез вам дюжину бутылок, на пробу.

– За что такое беспокойство, — вздохнул хозяин дома.

– Вы нас балуете. Мы вас разорим, — умиленно проговорила Анна Борисовна.

– Что вы, что вы! Какие пустяки, — улыбнулся Таранов.

– Что же попробуем. — Аркадий Андреевич потер руки. — Я конечно не большой любитель пива, предпочитаю, знаете ли больше вина, шампанское, коньячок. Шурочка, — обратился он к девушке, — если тебя не затруднит, — прикажи чтобы принесли большие стаканы.

– А девочки гостят в Москве, скоро приедут – произнесла Анна Борисовна, упреждая вопрос Таранова о ее дочерях. — Много наслышаны о ваших успехах.

– Какие успехи?! Одни проблемы.

– А я верю, что у Ивана Михайловича все получится, — успокоил его Аркадий Андреевич.

— Вон балет Чайковского в первый раз провалился. А потом приехал из Франции Мариус Петипа и поставил его, да так, что сразу стал мировой классикой.

Между тем принесли стаканы и открыли две бутылки пива.

– Будем пробовать, — с энтузиазмом произнес Аркадий Андреевич, разливая пиво по стаканам. — Я ведь тоже кое-что знаю о пиве. С научной точки зрения нет сомнений: умеренное потребление пива полезно для здоровья.

– С тех пор, как люди стали варить пиво, они находят в нем все новые и новые целебные свойства, — поддержал Таранов хозяина дома, — начиная с древних шумеров, врачи прописывали полоскание рта и употребление внутрь теплого пива для лечения зубной боли. В средние века пиво предписывалось для изгнания камней из почек и для лечения истощения как физи-

ческого, так и духовного; растирали утомленные ноги пивом после дальней дороги. В Германии доказали, что один литр пива в 10 раз полезнее, чем один литр молока.

– Полезнее молока? В 10 раз? – удивилась Шурочка.

– В бане пиво льют на раскаленные камни. Это делают потому, что пивной пар очень полезен для кожи, делает ее более шелковистой.

– Целая аптека! – Анна Борисовна подняла брови.

– Говорят же, что пиво — это второй хлеб! – поддакнул Аркадий Андреевич.

– Пиво хорошо подавать ко всем видам блюд, особенно к жирным мясным, к дичи, копченостям.

Тем временем, было открыто несколько бутылок и пиво было разлито по стаканам. Все сделали несколько глотков этого напитка.

– Да, вкусное у вас Иван Михайлович пиво! – довольным голосом произнес хозяин дома, — не горькое, не с кислинкой, вкус насыщенный. Мы часто бываем в Европе, и поверьте, ваше пиво ничуть не хуже.

– Вы мне льстите.

– Нисколько.

– Спасибо за положительную оценку моей продукции, — поблагодарил его Таранов, — Шурочка, а вы, почему не пьете пиво?

– А я пиво не пью, совсем. Оно мне не нравится, — тихо проговорила Шурочка, — буду пить чай.

– Ну, это ваше право. Обратите внимание, — продолжал пивовар, — его надо уметь правильно пить.

– Расскажите, это интересно, — взмахнула руками Анна Борисовна.

– Для начала надо правильно выбрать посуду. Посудой может служить бокал, стакан или пол-литровая кружка, неважно, главное, что бы верх выбранной емкости слегка сужался. И само собой, они должны быть из стекла, фарфора или керамики. И следует помнить, что пиво наиболее вкусно охлажденное.

– Очень интересно, рассказываете, я это и не знала, — произнесла Анна Борисовна, отпивая из своего стакана.

– Это еще что. Важно уметь правильно налить пиво. Пиво наливается в центр кружки или другого бокала с высоты 2,5 см над краем сосуда. После загустения пены при первом налипании, пиво доливается таким образом, чтобы его уровень достигал примерно трех четвертей высоты бокала или специальной отметки.

– Пену, кажется, надо удалять?

– Пена у пива должна быть сметанной консистенции, монолитной и компактной, без пузырьков, почти совершенно белой. Правильно налитое пиво образует «шапку» пены характерную для данного вида. Этого можно добиться, обрезав пену по граням кружки, например, кухонным ножом, перед тем, как долить последнюю порцию пива.

– Вот как?!

– Пиво никогда нельзя переливать из одного сосуда в другой или добавлять в свежее налитое пиво недопитое. Пиво нельзя взбалтывать и размешивать.

– Да интересно, целая наука.

Анна Борисовна тоже внесла свою лепту в рассказ Таранова.

– Послушайте, Иван Михайлович, может вам пригодится, но я тоже кое-что знаю про пиво.

– Это что вы имеете в виду?

– Различные маски и кремы на основе пива способствуют разглаживанию морщин. Например, ложка меда на кружку подогретого пива – и простуду как рукой снимет. Ополаскивание волос пивом после мытья быстро избавит от перхоти и придает волосам шелковистость.

... Тем временем, солнце склонялось к западу и стремилось озарить всю террасу дома Ракитских, — оно вонзало неяркие лучи в промежутки холстинных занавесей. Как-то само собой оказалось, что Иван Михайлович вышел вместе с Шурочкой в сад на прогулку. Ее белые щеки румянила задумчивая улыбка.

Во дворе, среди фруктового сада, как раз против заднего крыльца дома, была красивая, длинная, с резными украшениями беседка, открытая только с лицевой стороны. Она вся была обвита диким виноградом и плющом.

Они гуляли по дорожкам сада.

– А вы знаете, яблони тоже слышат? – произнесла она.

– Как это?

– Вот представляете, у нас тут росло несколько молодых яблонь. Среди них есть китайка. Все зацвели, а она все никак. Прошлой осенью Аркадий Андреевич ней подошел и говорит: «Все, если на следующий год не зацветет, срублю топором». И представляете, этой весной она зацвела самая первая.

– Да, интересно в природе устроено. В ней много тайн и загадок.

– Иван Михайлович у вас есть ахиллесова пята?

– Боюсь пчел и больших собак. Еще одна слабость — очень люблю сладкое.

– Вот бы не подумала! А вы знаете, мне вчера приснился Пушкин.

– Какая вы счастливая, мне он никогда не снился. Хотя мне особенно нравятся строки:

Все можно выразить так чудно!

Ах, обмануть меня не трудно!..

Я сам обманываться рад!

— Какой вы, однако, лукавый. Можете поддеть простую девушку. Расскажите лучше про себя. Мне это интересно.

– Что же мне рассказать о себе? Даже не знаю.

– Ну, вот какие у вас есть желания, например?

– Вообще меня нестерпимо влечет путешествовать, чтобы узнать, как варят пиво в других странах.

– Куда же, например?

– Особенно тянет в Индию, в Австралию, на Камчатку и даже на Луну.

– На Луну?

– Да на Луну, когда пустят туда первый снаряд-ракету, а я думаю, что это будет скоро.

– Ой, какой вы фантазер?! Или может быть, смеетесь надо мной?

– Зачем мне смяться над вами. Попрошусь в качестве первого пассажира от Земли и отвезу туда свое пиво. Пусть луняне его попробуют, и если понравится, мы его будем туда доставлять снарядами – бочками...

– Нет, вы точно настоящий фантазер!

Потом стояли, и улыбались, и доверчиво глядели друг на друга. На ее лицо падали лучи заходящего солнца, и под ними оно казалось еще румянее. Доверчивы были ее глаза, но сквозило в них тревожное, робкое выражение. Ее пальцы слегка вздрагивали.

– Вам холодно, — спросил Таранов и взял ее тонкие пальцы. Они были холодны.

На что она прошептала ему:

– Тепло... Мне уже пора.

– Как жаль.

– Мне тоже.

– Обещайте, Иван Михайлович, что приедете на следующей неделе? Как раз Милена со Станиславой должны приехать. Обещаете? Мы с вами так редко видимся!

– Обещаю, — произнес твердо Таранов.

5. Дела житейские

Неделя пролетела быстро в делах и заботах и была лишь отмечена тем, что в Тарановку заезжал Разгуляев.

Днем во время обеда собака во дворе злобно зарычала, пару раз гавкнула. Потом неожиданно в подоконник открытого окна раздался неприятно-резкий стук палкою. Таранов аж вздрогнул. Досадливо нахмурился, вытер губы салфеткою и подошел к окну.

– Дома, дружище? – узнал он голос Разгуляева.

Таранов сделал вид, что очень рад, и отвечал:

– Дома, дома. Ну, что ж вы там, Пал Палыч, стойте, заходите без церемоний!

– Обрати внимание, собака при виде меня сама уходит в будку.

Во дворе была огромная злая собака. Когда приезжал Разгуляев, собаку поначалу загоняли в будку, чтобы она не лаяла. Потом при виде Разгуляева собака по собственной инициативе пряталась в будке. Того это очень забавляло.

Разгуляев проворно взбежал на крыльцо. Красное с испариной лицо его казалось измятым. Маленькие глазки были заплавленными. Голос у него сегодня был хриплый. Скинув с себя плащевую накидку, он сел к столу.

– Водка есть? — оживленно спросил Разгуляев.

– Как не быть! Пелагея принеси графинчик с водкой.

– С утра не выпил — день пропал, — произнес гость, потом опрокинув еще стопку, потянулся за закуской. — Эге, у тебя огурцы! Славные! И редиска, — еще лучше.

Таранов налил еще стопку.

– Что, Пал Палыч, трубы горят?

– Горят.

– Ездили куда вчера?

– В том-то и дело, что никуда. Сидел дома и трескал водку.

– В компании какой-нибудь?

– Один, брат, по-фельдфебельски. Столько вызудил, что и вспомнить скверно. Моя мечта выпить столько, сколько я не могу выпить физически.

– Это Пал Палыч невозможно. Смешно даже говорить.

– Вся моя жизнь — смешной случай.

– А сейчас пьете с горя или с радости?

– С раздумья, дружище. Если бы я не пил, ничего в этой жизни не понял!

– Ой ли?

– Знаешь, что самое ужасное в жизни?

– Откуда!?

– Самое ужасное — это когда выпить не с кем. И не потому, что вокруг никого нет, а потому что все эти люди совершенно не подходят для такого ответственного мероприятия!..

Между тем, Таранов сдержал обещание данное Шурочке и спустя ровно неделю приехал в Березовку.

Все семейство Ракитских собралось в беседке в саду. Сам Аркадий Андреевич возглавлял эти посиделки.

– В прошлый раз вы, Иван Михайлович, угощали нас. Теперь наша очередь, — и Аркадий Андреевич распорядился принести бутылку вина с бокалами.

Беседа тем временем текла на разные темы. Сначала говорили о погоде. Какая капризная она в этом году и непредсказуемая.

– А что, у вас в Тарановке местные, Иван Михайлович, говорят про погоду? — обратилась к нему супруга хозяина.

– Что говорят, не знаю, а вот недавно один германский доктор сделал интересное открытие относительно предсказания погоды телеграфными и телефонными воздушными проводами.

– И каким же образом?

– Он пришел к тому выводу, что более или менее сильный шум телеграфных проводов указывает на худую погоду.

– Что вы говорите! Вот что значит наука! — воскликнула она.

– А что думать, друзья мои, — вдохновенно проговорил Ракитский, — наука и знания сейчас находятся в состоянии эволюции, и прогресс в этом отношении совершается с поразительной быстротой: то, что вчера считалось последним словом, — сегодня является анахронизмом, гениальное изобретение прошлого делается посредством настоящего и ничтожеством будущего. Так, еще недавно человечество гордилось, что оно опутало земной шар сетью проволок, а теперь эти бесчисленные провода сменяются воздухом, несущим через моря, горы, леса человеческую мысль, трепещущее человеческое слово! И теперь в умах многих людей зарождаются идеи, осуществление которых возможно лишь в будущем.

Тем временем слуга принес бутылку вина и разлил его по бокалам.

– В прошлый раз вы, дорогой Иван Михайлович, нас обучали правилам питья пива, а сегодня я вам расскажу о вине, — полностью взял инициативу разговора в свои руки Аркадий Андреевич.

– Вот, например, как определить вкусовые качества вина?

– Это что, продегустировать его?

– Не только. Обратите внимание, что вино налито в прозрачные бокалы в виде тюльпана.

– Оригинальная форма.

– Такая форма не позволяет быстро улетучиваться винным парам. Потом надо взять бокал за ножку.

– Почему за ножку?

– Чтобы избежать согревания вина рукой. Да, из-за этого может измениться его запах. И теперь медленно вращайте его.

Таранов выполнял все указания Ракитского.

– Только не взбалтывайте его — это же не коктейль! От плавных круговых движений ароматы букета смешиваются.

Таранов продолжал держать бокал вина в руке, не решаясь его пригубить.

– Посмотрите на цвет вина. У белых сухих — этот цвет может быть от золотисто-соломенного до чуть желтого, у красных — от фиолетово-красного до темно-гранатового.

– Мне попадались вина, с виду натуральные, с каким-то осадком?

– Ничего страшного. Не пугайтесь. Он не ухудшает качества вина. Осадок образуется от длительного хранения вина и состоит из вишневого камня и красящих веществ.

– Пахнет хорошо.

– А теперь я расскажу вам, как надо дегустировать вино. Сделайте глоток вина и задержите его во рту.

Таранов следом за ним сделал небольшой глоток вина.

– Дайте вину растечься по рту. Не спеша, на выдохе носом сделайте глоток — и вы ощутите вкус и аромат.

Потом как-то плавно тема разговора перешла на более житейские темы. Анна Борисовна рассказала, что пару недель назад встретила в городе их общего знакомого Пал Палыча:

– Недавно Разгуляев присутствовал на похоронах одного казачьего офицера, своего приятеля, известного картежника. Ну, — я его и спрашиваю — как вам похороны? — А он. Великолепны. Сначала ехали казаки с пиками, потом музыканты с бубнами, там духовенство с крестами, а потом сам покойный с червями, за ним шли дамы, тузы, валеты и, в конце концов, двойки, тройки, четверки... Одним словом – обалдуй.

Чета Ракитских была едина в этом своем мнении о соседе Таранова.

– Иван Михайлович, вот вы уже достигли определенного положения, известности, а как насчет того, чтобы обзавестись хозяйкой? — лукаво спросила Анна Борисовна.

– Как-то пока не думал об этом.

– Неужели нет достойной?

– Я предприниматель и рискую. А когда у тебя жена и дети и времени на бизнес остается мало и лишний раз рисковать не будешь.

– Отговорки все это, — подытожила Ракитская.

Когда Таранов засобирался уже уезжать, Аркадий Андреевич его остановил:

– Оставайтесь ночевать, Иван Михайлович, у нас сегодня намечено одно интересное мероприятие.

– Да-да оставайтесь, — присоединилась к предложению мужа Анна Борисовна. — Мы сегодня устраиваем сеанс спиритизма!

– Спасибо за приглашение, право, я не знаю. К спиритическим сеансам я отношусь скептически.

– Ну, что вы, — возразила хозяйка дома. — Древние считали, что кроме четырех основных видов материи, а именно твердое тело, жидкость, газ, огонь, существует еще и пятый — «тонкий» вид. Хотите вызвать дух вашего покойного дядюшки?

Против такого аргумента Таранов не мог устоять. Его уговорили остаться, и поздно вечером вся семья Ракитских собралась в гостиной за большим столом. Все участники сеанса должны были снять с рук металлические предметы — часы, браслеты, кольца. Зажгли свечи. На столе по кругу лежало 16 бумажек с вариантами названий.

– Перед началом сеанса откроем форточку, — медиумом на этом сеансе, как впрочем и на всех остальных, выступала мадам Ракитская. — Напоминаю, что говорить между собой только шепотом или вполголоса, чтобы не спугнуть духа.

Она говорила тихим ровным голосом:

– Начинаем сеанс спиритизма.

Ракитская тем временем взяла блюдце и нагрела его над пламенем свечи с внутренней стороны. Затем она поставила его в середину стола в центр круга и произнесла с вызовом:

– Дух Наполеона, придите, пожалуйста, к нам!

Повторив эти слова три раза, она перевернула блюдце, как бы накрывая им пришедшего духа. В тот же момент все сидящие осторожно прикоснулись кончиками пальцев к самому краешку блюдца.

Дальше Анна Борисовна спросила:

– Дух Наполеона, вы здесь?

Но, то ли присутствующие излишне нервничали, то ли дух был чем-то в это время занят и на связь он не вышел.

Тогда Анна Борисовна сделала еще одну попытку.

– Дух Степана Петровича Таранова придите к нам.

Неожиданно блюдце пришло в движение. Оно медленно, как бы нехотя, начало перемещаться по кругу.

– Не отрываем от блюдца пальцы, иначе может прерваться связь с духом.

Но вот блюдце застыло неподвижно, закончив свой путь у одной из записок. В ней философски было написано: «Нет ничего неизбежного, но есть наиболее вероятное».

А дни, недели, месяцы проходили в многочисленных хлопотах. Надо было закупить необходимые компоненты для пива: хмель и солод, и чтобы они регулярно поступали на пивной заводик. Соблюсти технологию производства пива, наконец, организовать продажу своей продукции и скорейшую его доставку, ведь пиво долго не может храниться. Он потихоньку рассчитался с долгами, и обнаружил однажды, что он никому не должен, его сальдо было положительно.

Но это его не сильно трогало. У него просто был азарт. Доказать прежде всего самому себе и окружающим, что вот он какой Иван Таранов. Взялся за дело, и у него все получилось.

Пожалуй, его тянуло в Березовку, там он находил доброе внимание тамошних обитателей, особенно теплые отношения у него сложились с Шурочкой.

У них с ней были долгие душевные беседы, вот и сегодня, как только он подкатил в коляске к хозяйскому дому, на крыльцо с радостной улыбкой на лице выбежала Шурочка.

– Здравствуйте, Иван Михайлович!

– Здравствуйте, Шурочка! Как ваше настроение?

– У меня замечательное, а как у вас?

Они прошли по дорожке в парке.

– Я тут фонограф купил. Мне его из Москвы прислали. Так вот он произвел такое впечатление на моих дворовых. Я записал несколько их песен, а потом воспроизвел на фонографе. Вы не представляете, что творилось! Настолько он произвел сильное впечатление.

– Интересна их реакция!

– Все внимательно рассматривали отдельные части и расспрашивали, как он сделан. Про него говорили так: «Он песню сначала набирает, а потом выпускает».

– На меня он тоже произвел впечатление, когда я его в первый раз услышала.

– Одна молодая баба, слушая в фонографе «Вниз по матушке по Волге», раскачивалась, подпевала с сияющим лицом и в восторге вскрикнула: «Ну, машинка! С ней умрешь — и восстанешь!» Другая, моя кухарка Пелагея уже пожилая женщина, была совсем поражена. Она слушала с напряженным вниманием, не отрывая глаз от фонографа, и ломала себе от волнения руки. «Что ж это такое, Мать Пресвятая Богородица, премудрость-то какая! При старости лет, что пришлось услышать!»

– Непросвещенные люди.

– Всем хотелось, чтобы их песни тоже были записаны. Тотчас же выбирались певцы.

– Вы бы их просветили, Иван Михайлович, как устроен фонограф.

– Я объяснял, как мог. Пелагея, поняв по-своему мое объяснение, объявляла каждому вновь пришедшему: «Наши песни сейчас по телеграфу напечатают и везде разошлют».

Сегодня Таранов был в ударе. Он рассказывал о своем детстве и юности.

– Знаете, мне в детстве снились жуткие сны, хотя страшнее Кошечья Бессмертного мы в ту пору ничего не знали. Тем не менее, я боялся спать. Засыпая, чувствовал приближение кошмара: все начинало крутиться, и я падал в какую-то бездну. Уже став взрослым, где-то прочитал, что подобные вещи происходят с детьми, наделенными повышенной интуицией и даром предвидения. И ведь на самом деле с интуицией у меня полный порядок.

– А как вы чувствуете окружающих?

– Стоит мне войти в какое-нибудь общество, компанию, я чувствую, как кто ко мне относится, и что у меня с этим человеком может дальше сложиться. Так вот я сразу и очень четко чувствую людей. Например, если мне человек не нравится, он ко мне и сам никогда не подойдет.

– У вас тонкая интуиция!

– Частенько наблюдаю за тем, как, находясь в определенном состоянии души, создаю вокруг себя некий круг, и даже в общественных местах люди не садятся со мной рядом... С

теми же, кто переходит этот круг, у меня могут завязаться либо близкие, либо деловые, либо очень хорошие творческие контакты.

– Вот как, вас не беспокоят ревность, зависть окружающих?

– А в чем зависть?

– Ну, все-таки, вы удачливый и энергичный человек.

– Все дело в том, что я не обращаю на это внимания, поскольку сам обладаю очень сильной энергетикой, унаследованной от бабки. Бабка ведь у меня была известной в своих краях знахаркой. С ней рядом постоянно ходили два кота. Когда люди видели, как эти милые создания, стоя на задних лапках, передними загоняли в сарай кур, а бабка лишь стояла рядом и наблюдала за процессом, — к ней тоже относились с определенным пиететом.

– Ясно. А если бы вы вместо пива стали выпускать свои духи. Каким был бы одеколон «Иван Таранов»?

– Мой девиз: «В свободе — победа» — «In freedom — victory».

– Ужасное название. — Потом немного подумал, сказал, — Он был бы терпкий и одновременно нежный и чувственный.

Они опять шли молча. Каждый думал в это время о своем, но каждому из них не было одиноко или скучно.

– Иван Михайлович, а где вы научились так хорошо танцевать. Я видела вас на бале.

– В гимназии у нас были уроки ритмики, и мне никак не удавалось научиться танцевать, особенно вальс. Когда у нас с девушками были танцы, я выбирал в партнерши худенькую девочку, и если нужно было сделать поворот, я отсчитывал про себя «и раз, два, три», брал за талию эту девочку и просто переставлял ее в нужное место.

– Да!..

– Я всегда считал, что если уж делать что-нибудь, нужно делать это хорошо, и стал брать уроки. После этого у меня дело пошло.

– Значит, вы любите танцевать.

– Когда я впервые начал заниматься бизнесом и должен был присутствовать на общественных мероприятиях. Тогда я и обнаружил, как ни странно, что в этом заключается один из секретов преуспевания в нашей стране.

– Ага, вот в чем дело! Женщины часто могут помочь продвинуться в жизни.

– Ну, вот сразу в чем-то меня начинаете подозревать.

– Ничего не подозреваю, просто сразу подумала, что вы всегда думаете о продвижении в жизни. Вы любили когда-нибудь?

– Нет.

– Но какие-то чувства у вас были с девушками?

– Это что, допрос? — улыбнулся Таранов.

– Ну, скажите, мне это интересно. Это вы столичный житель, а я девушка провинциальная. Что я в жизни видела?

– Однажды я был знаком с одной девушкой заочно. У нас в университете было много девушек.

– Как это заочно?

– А так, она меня знала, а я нет. Однажды мне незнакомка прислала записку. Она написана была замечательно.

– Вы никогда не отвечали?

– Однажды имел неосторожность ответить ей. Она писала потрясающие письма, и я стал отвечать и даже волновался, если ее письма задерживались. И вдруг пришло послание от ее подруги, которая сообщала, что моя прекрасная незнакомка покончила с собой, поняв бессмысленность наших эпистолярных отношений: мол, она некрасива и я никогда не соглашусь жениться на ней, а без меня она жить не может...

– В том же конверте были ее последние стихи и приписка о том, когда состоятся похороны. Внутри у меня все перевернулось, всю ночь глаз не сомкнул, решил наутро идти искать, где она живет. А потом какое-то десятое чувство подсказало снова перечитать письмо, стихи... И я понял, что со мной сыграли злую шутку.

6. Новые транспортные средства

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.